

Р.А. Савушкин

Нужен ли науке Бог?

Оглавление

1. Преамбула
2. Как борцы с «лженаукой» разоблачают «отступников»
3. Без вины виноватые
4. Заключение
5. Приложения

Нужен ли науке Бог?

1. Преамбула

Печально известная Комиссия РАН по борьбе с «лженаукой», возглавляемая с 1998 г. академиками, сначала Гинзбургом, а затем Кругляковым, не отличалась уважительным отношением к своим коллегам учёным. Особенно хамским отношением к людям зарекомендовал её второй глава, за что неоднократно подвергался критике в печати. Но всё это слетало с него «как с гуся вода». Наверно, именно это воодушевляло и продолжает воодушевлять его последователей.

Профессор МГУ Ю.Н. Ефремов, подвергая жёсткой критике **«научный креационизм»**, задел академика В.Е. Фортова, а затем обратил свой взор на президента РАН Ю.С. Осипова. Разбору этого инцидента и ещё кое-каким вопросам, связанным с сакральной сферой, посвящена предлагаемая публикация.

Однако прежде напомним: **Креационизм** (от лат. *creatio*, род. п. *creationis* – творение) – теологическая и мировоззренческая концепция, согласно которой основные формы органического мира (жизнь), человечество, планета Земля, а также мир в целом, рассматриваются как непосредственно созданные Творцом или Богом. Стесняющиеся учёные, а также боящиеся «лютых» борцов с «лженаукой» слово «творение» пишут с маленькой буквы, а вместо слова Бог говорят и пишут: Высший Разум, Верховное Существо, Распорядительные Силы Мира, Абсолютная Власть и т.д. Как-то на одном из семинаров мы спросили одного из участников, почему он ни разу не произнёс в своём выступлении слова БОГ? Неужели боитесь взбесившихся академиков-борцов с «лженаукой»? В ответ услышали: «Мне на этих борцов наплевать (мы просим извинения перед читателями за невыдержанность выступавшего – РАС). Я боюсь Бога обидеть какой-нибудь несуразицей». И таких уважительных к Богу людей достаточно много. Но есть и дрчугие.

2. Как борцы с «лженаукой» разоблачают «отступников»

Некоторые оппоненты, которые якобы выступают в защиту науки от стремления отдельных учёных незаметно «протащить» Бога в науку, считают, что это делается через раскачивание вопроса о происхождении Вселенной. Наиболее **ярко** это в самом конце прошлого столетия проявилось в выступлении в печати профессора МГУ Ефремова, и только поэтому мы остановились на этом примере.

«Странно читать, — пишет он, — откровения Президента РАН Ю.А.Осипова ("Поиск" #13, 1998) о том, что "сама научная космология сегодня ставит вопрос о происхождении Вселенной. Было ли что-нибудь до момента $T = 0$? Если нет, то как и откуда возникла Вселенная?" Ему вторит б. министр науки В.Фортов: "Всё создал единый Бог, именно Единый. Если есть Единый Бог, единый промысел, то есть единый предмет исследований". Единый для исследователей и для верующих — спросим мы? Для тех, кто должен подвергать всё сомнению и для тех, для кого сомнение — тяжкий грех? Акад. Осипов далее утверждает, что "сама научная космология сегодня ставит проблемы, соотносящиеся с обсуждающимися традиционной теологией вопросами происхождения Вселенной". Сказать в этом контексте "сегодня" можно было лет этак 50 назад. Это и сделал Пий XII, задавший аналогичные вопросы в 1951 году в своей речи перед Ватиканской Академией наук, озаглавленной "Доказательства существования Бога в свете современной науки". В этой речи утверждалось, что "науке наших дней, проникнувшей взором на миллионы веков назад, удалось, наконец, стать свидетелем этого начального *fiat lux*, этого момента, когда вместе с материей возник океан света..." На этом основании Святой отец заявил: "Творение мира, а следовательно, Творец мира, а следовательно, Бог — вот то слово, которое мы требуем от науки и которого наше поколение ожидает от нее".

Похоже, что Президент РАН и министр науки РФ были готовы произнести, наконец-то, это слово. Ю.А.Осипов не говорит еще, правда, что Бог создал Вселенную, но отмечает, что не случайно многие естествоиспытатели и математики "в конце-концов приходили к вере. Ибо создание любой стройной научной системы неизбежно приводит к мысли о существовании, как в нашей среде говорят, абсолютного разума".

Однако же "стройные научные системы" были созданы, например, и Лапласом и Эйнштейном, и они, как известно, не нуждались в гипотезе об "абсолютном разуме". Космическое религиозное чувство, о котором писал Эйнштейн, это именно преклонение перед возможностью познаваемости мира. И даже президент Папской академии Наук Ж. Леметр в свое время был другого мнения, чем нынешний президент РАН. Во время как Джинс и Милн — почти на 70 лет раньше Осипова и Фортова — отождествили начальную сингулярность как акт творения, Леметр писал, что "Вопрос о том, было ли это началом или же творением, чем-то начавшимся из ничего, является философским вопросом, который не может быть решен физическими или астрономическими рассмотрениями". Теория сингулярности, говорит Леметр, "остаётся полностью вне любого метафизического или религиозного вопроса. Она оставляет материалисту свободу отрицать какое-либо *трансцендентное* (правильное написание этого философского термина «трансцендентное» — РАС) Существо. Он может сохранить, на дне пространства-времени, ту же самую умственную позицию, которую он занимал по отношению к явлениям, происходящим в не-сингулярных областях пространства-времени. Для верующего это означает невозможность какой-либо близости с Богом... Это созвучно со словами Исаии о "Скрытом Боге", скрытом даже в начале творения".

По сути дела, Леметр солидаризировался со словами Лапласа о том, что он не нуждался в гипотезе Бога. Он не желает низвести Бога к роли одной из научных гипотез. Не стоит низводить Бога до этой роли ещё и потому, что эта гипотеза, как слишком хорошо известно, объясняет непонятное с помощью еще более непонятного. (Конечно, на эмоциональном уровне любая вера, впитанная с детства, как и всякий импринтинг, необсуждаема и неоспорима. И она, конечно, не имеет никакого отношения к задачам научного исследования. Поэтому-то и "верую — ибо абсурдно". Неабсурдное — изучаемо и проверяемо, и "верить" в него нет нужды).

Итак, даже в классической картине начальной сингулярности гипотеза творения лишь унижает Бога (если он есть). Современная же космология вообще снимает проблему начала мира. Первичной сущностью является физический вакуум, в котором спонтанно рождаются расширяющиеся пузыри пространства-времени, новые вселенные, с самыми разными параметрами, и одной из них — конечно не самой первой — является наша Вселенная. "В настоящее время нет достаточных оснований полагать, что вся Вселенная в целом родилась при-

мерно 10^{10} лет назад в сингулярном состоянии... Инфляция (быстрое расширение – Ю.Е.) могла начинаться и кончаться в разное время в различных областях Вселенной, что никоим образом не противоречит существующим наблюдательным данным" (Линде). Заметим, что здесь под Вселенной понимается Мир, все сущее, обнимающее бесконечное число разнообразных вселенных».

Не лучше профессор МГУ поступил и с академиком Фортовым. Правда, как свидетельствует Википедия, событие, происшедшее с академиком Фортовым якобы – случайность. Мы же сомневаемся, что это было делом случая. Ефремов приписал ему заявления о «признании Абсолюта и творения мира» сославшись не на документальные источники, а на книгу своего однофамильца Ефремова И.А. "Сердце Змеи" (см. с. 535. М., 1970 – РАС) – какая же это случайность для учёного – что искал, то и нашёл.

Вот таким образом Ефремов ругал и учил наших академиков уму-разуму и подкреплял свою «критику» зарубежными авторитетами.

3. Без вины виноватые

Чтобы читатель имел возможность убедиться в подлоге, нетактичности, а то и грубости по отношению к уважаемым ученым, мы за «шедеврами» Ефремова приводим здесь в нашем Приложении действительные заявления, сделанные в выступлениях и Осипова, и Фортова на слушаниях «Вера и знание: наука и техника на рубеже столетий», организованных Всемирным Русским Собором (18-20 марта 1998 года, Москва).

А теперь эти шедевры профессора Ефремова в нашем постраничном разборе. Начнём с его критики Ю.А. Осипова.

«**Странно читать откровения** Президента РАН Ю.А.Осипова ("Поиск" #13, 1998) о том, что "сама научная космология сегодня ставит вопрос о происхождении Вселенной».

Уже начало заставляет нас остановиться. Разве это терминология научной критики? Для таких форм в русском языке есть другие названия и более вежливые словесные обороты. Ведь перед вами не мальчишка, а Президент Академии Наук России. Однако продолжим излияния автора.

«Было ли что-нибудь до момента $T = 0$? – продолжает он. – Если нет, то как и откуда возникла Вселенная?» Ему вторит б. (какое неуважение к оппоненту! – РАС) министр науки В.Фортов [ну, господин Ефремов, смелее вперёд, рвите цитату из текста, он же б. (бывший, а может быть другое б. в тексте? – Жёсткого ответа с его стороны не будет. И он рвёт. – РАС): "Все создал единый Бог, именно Единый. Если есть Единый Бог, единый промысел, то есть единый предмет исследований".

Начнём с исковерканной цитаты из выступления Ю.А. Осипова. Вот, что в действительно-сти говорил Ю.А. Осипов: «Один из отцов эволюционной космологии, советский ученый Ландау на первое место среди проблем космологии ставил проблему происхождения Вселенной. Он говорил буквально следующее: «Один из мучительных вопросов, стоящих перед космологами, состоит в том, было ли что-нибудь до момента $T = 0$, до какого-то начального момента, и если нет, то как и откуда возникла Вселенная. Рождение и смерть Вселенной, подобно рождению и смерти человека, являются одной из наиболее волнующих проблем, стоящих не только перед космологией, но и перед всем современным естествознанием».

Таким образом, сама научная космология сегодня ставит проблемы, соотносящиеся с обсуждаемыми в традиционной теологии вопросами происхождения Вселенной. Как говорится, круг замкнулся и замкнулся очень сильно».

Читатель! Вы заметили, какие метаморфозы происходят при цитировании профессором МГУ Ефремовым, в данном случае, совсем им неуважаемого академика Ю.А. Осипова?

А теперь посмотрите текст выступления Фортова, откуда вырвана приведённая выше цитата. Вот, что Вы обнаружите: «...В **ранней европейской цивилизации** (выделено нами – РАС) основывались на чисто средневековой уверенности в рациональности того, что создал единый Бог. Именно единый, потому что если существует единый Бог, единый Промысел,

то есть и единый предмет исследования». Ефремов же приписывает хвалу Богу лично Фортову, а не «ранней европейской цивилизации».

Как оказывается легко повесить «грех» на невинного человека. А именно в грехе он обвиняет академика, как мы увидим дальше.

Мы не интересовались, является ли академик Фортов верующим человеком. Но то, что якобы сказанная им фраза могла быть справедлива, например, для академика Б.В. Раушенбаха и, возможно, являться для него истиной, поскольку он был верующим человеком, для Фортова такое заявление явилось полной неожиданностью.

В своё время Б.В. Раушенбах для Сакральной Троицы предложил сравнение из математики: «Я сказал себе: будем искать в математике объект, обладающий всеми логическими свойствами Троицы, и если такой объект будет обнаружен, то этим самым будет доказана возможность логической непротиворечивости структуры Троицы и в том случае, когда каждое Лицо является Богом. И, четко сформулировав логические свойства Троицы, сгруппировав их и уточнив, я вышел на математический объект, полностью соответствующий перечисленным свойствам, – это был самый обычный вектор с его ортогональными составляющими...»

Многих ученых удивляло, но не возмущало, как профессора Ефремова, как может человек науки быть религиозен? На этот вопрос сам Раушенбах отвечал так: «Всё чаще людям в голову приходит мысль: не назрел ли синтез двух систем познания, религиозной и научной? Хотя я не стал бы разделять религиозное и научное мировоззрение. Я бы взял шире – логическое, в том числе и научное, и внелогическое, куда входит не только религия, но и искусство – разные грани мировоззрения...»

Но продолжим наши размышления на избранную тему. Речь идёт об инкриминируемом Фортову заявлении: "Все создал единый Бог, именно Единый». На это якобы крамольное заявление Фортова Ефремов отвечает в том же духе, что и так называемые борцы с «лженаукой»: «Единый для исследователей и для верующих – спросим мы? Для тех, кто должен подвергать **все сомнению** (т.е. для Фортова; выделено нами – РАС) и для тех, для кого сомнение – тяжкий грех?»

Какое едкое замечание «провинившемуся» академику Фортову, данное по принципу «нам не страшен серый волк» – РАС). Наверное, великому учёному Раушенбаху, одному из основателей космонавтики, создавшему научную школу космической навигации, он с размаху ответил бы также. Нет пределов нарушения этики для «борцов», с так называемой «лженаукой».

Далее Ефремов пишет: Акад. Осипов утверждает, что "сама научная космология сегодня ставит проблемы, соотносящиеся с обсуждающимися традиционной теологией вопросами происхождения Вселенной". Сказать в этом контексте "сегодня" можно было лет этак 50 назад. Это и сделал Пий XII, задавший аналогичные вопросы в 1951 году в своей речи перед Ватиканской Академией наук, озаглавленной "Доказательства существования Бога в свете современной науки". В этой речи утверждалось, что "науке наших дней, проникнувшей взором на миллионы веков назад, удалось, наконец, стать свидетелем этого начального *fiat lux*, [от лат. (фиат лукс) да будет свет! – РАС] этого момента, когда вместе с материей возник океан света..." На этом основании Святой отец заявил: "Творение мира, а следовательно, Творец мира, а следовательно, Бог – вот то слово, которое мы требуем от науки и которого наше поколение ожидает от нее".

Мы же, уважаемый в МГУ профессор Ефремов, на эту тираду ответим: так: это же сказал Пий XII, а не академик Осипов! В России это называется подтасовкой фактов.

Далее Ефремов считает, что «Похоже, что Президент РАН и министр науки РФ были готовы произнести, наконец-то, это слово (т.е. БОГ! – РАС). Ю.А.Осипов не говорит еще, правда, что Бог создал Вселенную, но отмечает, что не случайно многие естествоиспытатели и математики "в конце концов приходили к вере. Ибо создание любой стройной научной системы

неизбежно приводит к мысли о существовании, как в нашей среде говорят, абсолютного разума".

Ну, и что, господин Ефремов? Сейчас об этом говорят и повторяют более трёх четвертей научного мира, в том числе и те американские авторы, которых с трепетом цитирует профессор МГУ.

Нам же остаётся сказать: «Вот вам, господа хорошие, Фортов и Осипов, будете знать как «давать слабинку» и «снисходить до сакрального», находясь на высоких постах Российской Академии Наук». Сами поощряли так называемую «борьбу» с так называемой «лженаукой». Вот и получили... Это шутка, конечно. Но горькая шутка.

Потрепав Осипова и Фортова, настоящего и будущего экс-президентов РАН, за «призыв» не отрицать существование Бога, он присоединяется к тем, кто по его мнению, якобы «не желает низвести Бога к роли одной из научных гипотез»: «Не стоит низводить Бога, – решительно заявляет он, – до этой роли еще и потому, что эта гипотеза (!!! – РАС), как слишком хорошо известно, объясняет непонятное с помощью еще более непонятного. (Конечно, на эмоциональном уровне любая вера, впитанная с детства, как и всякий импринтинг, необсуждаема и неоспорима. И она, конечно, не имеет никакого отношения к задачам научного исследования (вот так заявление учёного ??? – РАС). Потому-то и "верую – ибо абсурдно". Не-абсурдное – изучаемо и проверяемо, и "верить" в него нет нужды)» (Цит. по: Ефремов Ю Н Космический интеллект и Высший разум. Интернет).

Профессор, Вы понимаете, что всё это граничит с оскорблением верующих? А за оскорбление следует нести ответственность.

Критика академиков за «грехи» перед академической наукой, за снисходительное отношение к сакральному заставляет задуматься о нравственном уровне некоторых наших учёных. Более того, знают ли они законы РФ относительно религии. Ну, хотя бы Конституцию России. Прежде, чем предъявлять в подобной форме претензии неплохо было бы заглянуть в некоторые её статьи:

Статья 19

2. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, **отношения к религии** (здесь и далее выделено нами – РАС), убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или **религиозной принадлежности**.

Статья 28

Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Статья 29

2. Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или **религиозную ненависть и вражду**. **Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.**

Мы далеки от мысли поугубить человека. Ефремов смелый человек, судя по его материалу, его не испугает Конституцией РФ. Он даже готов предстать перед судом за оскорбления. Но другим борцам следует учитывать требования закона. Да и ему следует подумать.

Далее в статье профессора МГУ идут такие перлы, не познакомить с которыми наших читателей было бы просто недопустимо. Остановимся на одном – космологической сингулярности и Большом взрыве.

Напомним, сингулярность это якобы состояние Вселенной в момент Большого взрыва, характеризующееся бесконечными плотностью, температурой, малым объёмом, громадной массой крупинки вещества и др. Считается, что:

1. Взрыв произошёл по велению Бога, или Существа называемого рядом синонимов (Аллах, Кришна, Абсолют, Высший Разум, Абсолютный Разум, Источник всего Сущего или, наконец, Мировое Сознание), но нам привычней Бог, который решил сотворить Вселенную.
2. Наука ещё не определила причину Большого взрыва.
3. Никакой сингулярности и Большого взрыва никогда не было.
4. Современная же космология вообще снимает проблему начала мира (неужели этот приговор науке, вынесенный Ефремовым, будет приведён в исполнение? – РАС).

Вот мнение нашего автора, уважаемого профессора МГУ Ефремов Ю.М., по этому поводу: «...Даже в классической картине начальной сингулярности гипотеза творения лишь унижает Бога (если он есть). Современная же космология вообще снимает проблему начала мира».

Автор сочувствует Богу за те «унижения», которые якобы нанесли ему люди. Какая чуткость! И тут же Бог получает оскорбительное заявление – «если Он есть», несмотря на Его решительное утверждение: «Я есмь!», которое за многие тысячелетия существования человечества ещё никто не опроверг.

4. Заключение

Итак, судя по отношению к Богу, Он для науки не только не нужен, но и вреден, так как Его признание якобы мешает развитию науки. Чтобы показать, что наука может обойтись и без Бога профессор МГУ приводит цитаты из Лефевра и других авторов: Н.С.Кардашева, Б.Картера, А.Л.Зельманова, Г.М.Идлиса. В. Казютинского, А. Уоллеса, Ф. Хойла, И.С.Шкловского, И.Л.Розенталя, Л.М.Гиндилиса, И.А.Ефремова, Ст. Лемма, В.М.Цурикова...

Нетрудно заметить, что Ефремов Ю.М. и его коллеги зовут нас НАЗАД, в прошлое, когда одиноко господствовали односторонний материализм и идеализм, тогда, как познание в лице Парапсихологии уже заявило о существовании духовно-материалистической парадигмы, органичном единстве Материи и Мирового Сознания. Парапсихология не только признаёт Бога, но и опирается на Его непосредственное участие в строительстве Вселенной, в возникновении жизни и разума, что привело к целому ряду фундаментальных открытий, опередивших академическую науку, о чём мы писали в статье **«Парапсихология как наука о психофизических феноменах и её взаимоотношениях с другими науками»** на странице сайта Виперсон.

Приложение 1.

Выступление Ю.С. Осипова на слушаниях «Вера и знание: наука и техника на рубеже столетий», организованных Всемирным Русским Собором (18-20 марта 1998 года, Москва).

Обсуждая вопросы веры и знания в совокупности, нельзя не обсудить соотношения между наукой и религией. И говоря об этом сегодня, я прежде всего отмечу два, с моей точки зрения, очень важных момента.

Во-первых, это соотношение всегда формируется в конкретном историческом, культурном и социальном контексте. Поэтому в истории человечества можно найти периоды разных взаимоотношений между наукой

и религией — от плодотворного сотрудничества, например, во времена Средневековья (были такие периоды), до резкого противостояния, например, в эпоху Просвещения и в XIX веке.

Во-вторых, необходимо отличать науку как рациональную познавательную деятельность от так называемого научного мировоззрения, которое на самом деле наукой не является, но использует науку, а также опирается на некоторые философские системы; самый яркий пример — это материализм. И сегодня мы можем признать, проанализировав историю, по крайней мере, за три с половиной столетия, что такое эксцентрическое мировоззрение, претендовавшее на универсальную парадигму, которая бы заменила религию, это мировоззрение, конечно, не состоялось, чего нельзя сказать о науке. Безусловно, в разные периоды своего развития наука переживала серьезные кризисы, но всегда умела находить новые формы своего существования, которые приводили к качественно новым знаниям, новым достижениям в той же технике.

Эти два момента, мне представляется, важно иметь в виду. Конечно, наука не противостоит религии как рациональное иррациональному. Религия немыслима без рационального, понимающего и объясняющего подхода, столь значительно развитого в теологии, которая, кстати, как и наука, никогда не стоит на месте.

Рационализация церковной традиции, включая и становление догматики, была направлена на отстаивание истинного содержания христианской веры от намеренных или случайных ее искажений, а иногда и просто от нападков враждебных учений. Например, в ранний патристический период христианская теология формировалась в полемике с гностиками, арианами и другими духовными течениями, которые деформировали истину Предания и Писания. И в этих спорах отцы церкви опирались не только на Святое Писание, но и на рационально развитые философские учения, такие, как неоплатонизм, аристотелизм, стоицизм, и продолжали отшлифовывать высокую интеллектуальную культуру Древнего мира.

Яркий пример — теологии блаженного Августина и святого Фомы. Это свидетельство большой интеллектуальной культуры, а не только глубины и силы христианской веры. Поэтому нельзя упрощать историю и противопоставлять науку религии как рациональное иррациональному.

В мировых религиях рациональное начало органически сочетается с верой, потому что в их рамках человеческое поведение регулируется системой знаний о разумно-нравственном божественном миропорядке, определяющем нормы человеческих взаимоотношений.

В то же время, говоря о взаимоотношении науки и религии, мы должны учитывать исторические рубежи проблемы. Это тоже очень важно. Конечно, догреческий мир не знал противостояния науки и религии. Классическая античность уже знает конфликт религии и науки. Однако самые развитые рациональные космологические системы, как правило, венчаются представлением о божественном уме, Логосе, как тогда говорили, правящем в мире. И в позднем эллинизме причастность человека божественному Логосу, осуществляемая на высших стадиях познания, предполагает определенную религиозно-мистическую практику.

Только внутри христианской культуры проблема науки как в достаточной мере развитого знания о внешнем мире и религии, исходящей прежде всего из опыта взаимоотношения человека с Богом, становится острой, ясно артикулированной.

Отношения науки и религии складываются по-разному на Востоке и Западе христианской цивилизации. Наиболее драматичны они были на католическом Западе. Это было обусловле-

но тем, что Запад оказался колыбелью новоевропейской науки. Католическое богословие уже с XII-XIII веков поддается соблазну строить себя как рациональную систему знаний, и поэтому, естественно, стремится включить в себя естественно-научные теории.

Но поскольку космологические представления античности, на которые опиралась средневековая наука, нередко противоречили христианским догмам, церковным властям приходилось решительно осуждать положения античной науки. Яркий пример: в 1277 году парижский епископ осудил 219 положений, связанных с аристотелевой физикой и философией.

Навязанные силой космологические представления, в основном обусловленные теологическими постулатами, парадоксальным образом работали на возникновение науки нового времени. Они способствовали разрушению аристотелевой космологии, подрывая методологическую претензию аристотелевой физики на априорную дедукцию космологии из каких-то начал, и тем самым открывали дорогу к экспериментальному естествознанию. Это очень важно понимать. Следуя этому пути, например, уже в XIV столетии ученые признают рациональное существование пустого пространства, вакуума, как мы говорим, за границами сотворенного мира.

Однако стремление приказывать науке сыграло злую шутку с католической ортодоксией. Вспомним историю с коперниканской системой мира. Совсем недавно, уже в девяностые годы нашего столетия католическая церковь сделала официальное заявление, что история эта, как было сказано, — досадное недоразумение.

Исследования историков за последние годы внесли существенные коррективы в известную историографию, согласно которой нет и не было у науки более заклятого врага, чем религия. Хорошо известно, что в нехристианских странах наука в новоевропейском смысле вообще нигде не возникла. И христианский импульс носил разнообразный характер, зависящий от конкретной исторической ситуации. Например, Ван-Гельмонд, голландский ученый XV-XVI веков, развивает химию Парацельса, расширяет ее во всеохватывающую философию и интересно называет ее: то естественной, то химической, то христианской. Последний эпитет неслучайный, потому что для многих последователей создаваемая натуральная философия казалась именно *христианской*, явно в противовес *языческим* спекуляциям Аристотеля и выдающегося древнегреческого врача Галена.

Однако возрожденческая натурфилософия и концепция природы характеризовалась смешением таких базовых категорий как *божественное* и *природное*, или *естественное*. Для нового математического естествознания необходимо было как раз четко разграничить эти понятия, чтобы отделить науку от религии, и не было лучшей возможности для этого, чем возникшее новое механистическое естествознание. Именно оно позволило однозначно определить, с точностью до аксиоматики, что же такое *естественное*, или *природа*, являвшаяся его законным предметом. Религии и теологии в качестве их собственного предмета оставалась область *божественного* или *сверхъестественного*, как тогда говорили.

Для того, чтобы противостоять возрожденному анимизму, магии, оккультным учениям, чуждым и враждебным христианству, нужен был новый рационализм, дающий более строгое, экспериментально проверяемое понимание законов природы, чем то понимание, которое мог дать уже дискредитированный аристотелизм. Это понимание предложили Коперник, Кеплер и с особой силой Галилей.

Поэтому совсем не случайно, что защита христианства от магии соединилась с защитой ценностей новой механистической науки. И для творцов новой науки натурфилософы Возрождения были представителями равным образом и антирелигии, и антинауки.

Таким образом, религиозная мотивация в пользу новой механистической науки и научная мотивация в пользу христианства, под крылом которого новая наука чувствовала себя защищенной, сливались в едином импульсе, создающем новую культуру.

Кризис культуры в Европе XVI-XVII веков был глубоким системным кризисом. Под вопрос было поставлено само духовное единство европейского человечества — как его христианское ядро, так и традиционный, идущий еще от античности рационализм. И тот союз науки и христианства, который тогда оформился, явился спасительным для судеб европейской культуры.

Без верности творцов новой науки христианской традиции с усвоенным ею из античности рационализмом наука нового времени просто бы не возникла. Но тогда, когда она возникла, вместе с ней возник и соблазн отказаться от учения о двух истинах, разделявшегося, например, Декартом, у которого истины так называемого *«естественного светлого разума»* отличались от *«истин света веры»* (в его терминологии). Причем вторые по иерархии ставились выше первых. Но уже ближайший ученик Декарта Леруа отказывается от принципа двойственности истины и приходит к атеистическому, материалистическому мировоззрению, под которое подводится в качестве его научной базы механистическое естествознание эпохи. Но этот шаг не возникал автоматически из самой науки.

Он становится понятным, если учитывать контекст всей истории Европы той эпохи, потерпевшей неудачу обрести вечный мир и желанную гармонию для ее народов в рамках всех устраивающей религиозной формулы. Именно эта неудача заставит сердца и ума европейцев к науке как эрзацу религии. В результате на науку были возложены задачи явно религиозного порядка: не только создать с помощью зависимой от нее техники рай на земле, но и полностью преобразовать саму природу человека. К концу нашего тысячелетия обнаружилось, что эти надежды не оправдались. Именно поэтому человек нашего времени ищет путей к храму, стараясь при этом сохранить и ценности науки, границы которой он, конечно, теперь понимает по-новому.

На христианском Востоке отношения науки и религии никогда не принимали такого обостренного характера, как на Западе. Это было обусловлено в основном традиционной и более трезвой локализацией научного знания в православной духовной культуре общества. Христианский Восток запоздал с развитием науки, понимаемой как математическое естествознание. Поэтому о взаимоотношениях науки и религии в этом регионе приходится говорить, имея в виду XIX столетие и ограничиваясь главным образом русской культурой.

Один из русских философов в середине прошлого века писал: «В церкви православной отношения между разумом и верою совершенно отличны от церкви римской и от протестантских исповеданий. Это отличие заключается, между прочим, в том, что в православной церкви божественное откровение и человеческое мышление не смешиваются, пределы между божественными и человеческим не переступаются ни наукой, ни учением церкви. Как бы ни стремилось верующее мышление согласить разум с верой, но оно никогда не примет никакого догмата откровения за простой вывод разума, никогда не присвоит выводу разума авторитет откровенного догмата. Границы стоят твердо и нерушимо. Ни Патриарх, ни собрание епископов, ни какое глубокомысленное соображение ученых, ни какая власть, ни какой порыв так называемого общественного мнения какого бы то ни было времени не могут ни прибавить нового догмата, ни изменить прежний, ни приписать его толкованию власть божественного откровения и выдать таким образом изъяснение человеческого ума за святое учение церкви или вмешать авторитет вечных, незыблемых истин откровения в область науки, подлежащей развитию, изменению, ошибкам, личной совести каждого. Всякое распространение церковного учения далее пределов цер-

ковного Предания само собой выходит за рамки церковного авторитета и является как частное мнение, более или менее уважительное, но подлежащее суду разума».

Это было написано, повторяю, в середине прошлого века. Православное понимание взаимных отношений между сферами научного знания и религии во многом предвосхитило выводы исторических и философских исследований феномена науки, предпринятых во второй половине XX века.

Беспрецедентно бурное развитие науки в нашем столетии заново поставило вопрос о взаимоотношении науки и религии. Если до научной революции, начавшейся на рубеже XIX-XX веков, жестко детерминистическая модель мира по существу не оставляла религиозному сознанию иных возможностей, кроме деизма, то в XX веке, после изменения фундаментальных представлений о пространстве, времени, причинности, после появления в квантовой механике соотношений неопределенности и принципа дополнительности, мир уже больше не представляется абсолютно детерминированной машиной, в которой Богу просто не было места. Кроме того, историко-научные, историко-философские исследования показали существенную зависимость науки от социокультурных факторов эпохи, в частности, от религиозных представлений.

Диалог между наукой и религией вышел на новый уровень. Естествознание XX столетия, физика и космология по преимуществу, самой логикой эволюции новоевропейского научного разума были подведены к вопросу о происхождении мира и его элементов, и в рамках физики оказались осмысленными вопросы (не ответы — вопросы), как и почему возникли элементарные частицы со строго определенными параметрами, почему, например, радиус электрона — 10-13 см,

а не больше и не меньше. В рамках космологии сегодня ставятся вопросы, почему и как возникла наблюдаемая Вселенная со строго определенными параметрами; почему пространство трехмерно, а время одномерно и так далее.

До тех пор, пока предметом изучения в научных дисциплинах был мир, подчиняющийся локальным законам, то есть законам, выявленным и установленным эмпирическим естествознанием, когда существование наблюдаемых эмпирических фактов требует какого-то общего объяснения, европейская наука удовлетворяла требованиям, которые можно сформулировать так: факты требуют объяснения в законах.

Новая задача, возникавшая перед европейским естествознанием, теперь уже должна удовлетворять другому требованию: законы, которым подчиняются наблюдаемые факты, требуют объяснения. Выяснилось, что сами законы есть просто тонкий поверхностный слой той сферы принципов, симметрий и неких фундаментальных закономерностей, которым подчиняется бытие мира в целом. Без знания последних невозможно объяснить, почему наш локальный мир подчиняется именно этим законам, а не другим.

Один из отцов эволюционной космологии, советский ученый Ландау на первое место среди проблем космологии ставил проблему происхождения Вселенной. Он говорил буквально следующее: «Один из мучительных вопросов, стоящих перед космологами, состоит в том, было ли что-нибудь до момента $T = 0$, до какого-то начального момента, и если нет, то как и откуда возникла Вселенная. Рождение и смерть Вселенной, подобно рождению и смерти человека, являются одной из наиболее волнующих проблем, стоящих не только перед космологией, но и перед всем современным естествознанием».

Таким образом, сама научная космология сегодня ставит проблемы, соотносящиеся с обсуждаемыми в традиционной теологии вопросами происхождения Вселенной. Как говорится, круг замкнулся и замкнулся очень сильно.

Не случайно многие естествоиспытатели и математики, начав свои изыскания людьми неверующими, каждый своим путем, по-разному, но приходили в конце концов к вере, ибо создание любой стройной научной системы неизбежно приводит к мысли о существовании, как говорят в нашей среде, Абсолютного Бытия.

В современном научном познании все чаще исследователь сталкивается с ситуациями, когда поиск истины оказывается тесно связанным с нравственными проблемами. Об этом сегодня говорил Его Святейшество. В таких областях науки и техники, как геновая инженерия, изучение генома человека, клонирование и так далее, оказываются недостаточными классические принципы научного этоса, которые ориентируются на объективное изучение мира и рост истинного знания. В этих областях наука и техника вторгаются в святая святых самих основ человеческого бытия, и ориентиром деятельности здесь становятся наиболее широкие нравственные принципы, которые вырабатываются уже не в самой науке, а в других областях культуры, и в значительной степени — в области религиозно-нравственного поиска. И как актуально звучит сегодня мудрое напоминание Серафима Саровского о необходимости избегать рассеяния ума, пробуждать у людей голос совести, сердечное сокрушение и желание перемен к лучшему.

В настоящее время в отношениях религии и науки набирают силу процессы их явного сближения. И если в начале Нового времени, в эпоху Просвещения наука стремилась обрести полную автономию от религии и, наконец, вытеснить ее с позиций мировоззренческого и духовного центра культуры, то теперь происходит их сближение и взаимодействие в формировании ценностей культуры, ориентирующейся на человека. При этом процесс обновления затрагивает и сами религиозные институты, а не только науку.

На заре возникновения новой науки ей помог союз с христианством. Возможно, что новый союз науки и христианства, а в России — и православия, поможет преодолеть трудный период экологического и нравственно-этического кризиса, в котором оказалась современная цивилизация.

Приложение 2.

Выступление В.Е. Фортова на слушаниях «Вера и знание: наука и техника на рубеже столетий», организованных Всемирным Русским Собором (18-20 марта 1998 года, Москва).

Сегодня нам важно понять место религии и место науки, увидеть те поля, где мы можем сотрудничать, объединить наши усилия для того, чтобы люди нашей страны в этот критический период почувствовали уверенность, и наука могла бы дать им надежную материальную опору, а церковь — опору моральную. Об этом говорил наш Патриарх сегодня, и эта тревога разделяется сейчас, по-моему, всеми учеными.

Мы хорошо помним те времена, когда церковь в полной мере испытала на себе идеологический и физический прессинг прошлых лет. Но мы знаем, что в нашей истории право-

славная церковь всегда являлась проводником и хранителем гуманитарных знаний. В течение очень большого периода истории церковь была единственным хранителем этих знаний: письменности, истории, элементов философии, географии. Монастыри были настоящими сокровищницами письменных знаний, а многие церковные служители — самыми образованными и передовыми людьми своего времени.

Стоит вспомнить, что вообще вся наука зародилась в Средние века в европейских университетах, которые в те времена были чисто религиозными учреждениями. Цель этих университетов, как была она сформулирована Фридрихом Барбароссой в 1154 году, состояла в том, чтобы обеспечить духовное, телесное и социальное процветание людей. Поэтому все средневековые университеты имели три факультета: филологический, медицинский и юридический. Именно под крылом религии возникли первые научные школы, первые ученые. Кстати, именно в этот момент и возникли некие проблемы между наукой и религией, которые в те времена, в начале развития этих процессов, были не более как попыткой науки уйти от административного диктата и не носили под собой того глубокого теологического базиса, который возник позже.

Наука, как и любая область человеческой деятельности, развивается по сложной траектории и, конечно, не застрахована от ошибок. Однако стремление человека к познанию неистребимо. Чем обширнее становятся наши знания о природе, тем более людей поражает великая простота, поразительная точность и целесообразность природных процессов. Каждый из ученых, сидящих в этом зале, по собственному опыту хорошо знает, что, если в результате вычислений и научной работы возникают какие-то сложные формулы длиной в три страницы, какие-то сложные конструкции, это верный признак того, что мы уклонились от истины. Обычно правильный результат бывает компактен, эстетически красив, и это поражает всех, кто реально работает в науке.

В понимании глубинной сущности явлений природы наука и религия имеют очень много общего, хотя религиозные и научные представления о миропорядке существенно отличаются. При этом принципиально различны их методы и способы познания мира. Религия признает духовное приближение к истине через откровение, а наука опирается на факты, полученные с помощью теории и эксперимента.

История научной мысли однозначно свидетельствует о том, что мотивации, движущая сила, оправдание научных исследований в ранней европейской цивилизации основывались на чисто средневековой уверенности в рациональности того, что создал единый Бог. Именно единый, потому что если существует единый Бог, единый Промысел, то есть и единый предмет исследования. Этого не случилось на Востоке, в Китае за пять тысяч лет развития их цивилизаций, потому что там существовала религиозная философия многих богов, а это значит, что существует много истин, и это не дает предмета для научных исследований, потому что нельзя стремиться к достижению какой-то одной истины, а приходится искать каждую истину под каждого конкретного бога.

Это дезориентирующее влияние политеизма пагубным образом отразилось на развитии научных направлений Востока. А представление о едином Боге явилось очень мощным импульсом развития науки на самых ранних этапах. При этом церковь всегда считала богоугодным делом стремление познать замысел Творца всего сущего, хотя, конечно, и указывала на тщетность попыток сделать это до конца.

Основоположником современной химии является монах Бертольд Шварц, который был занят в те времена поиском философского камня, но пришел к выдающимся химическим открытиям. Наблюдательный монах Кримальди за сто лет до известных опытов Пуассона, Ара-

го, Френеля открыл явления дифракции света и описал их с поразительной точностью. Получивший очень глубокое духовное образование лорд-канцлер короля Якова I Френсис Бэкон явился человеком, который сформулировал основные принципы научного знания. Ему принадлежит крылатое высказывание: «Знание — сила» (хотя это неточный перевод с английского, правильное перевести: «Знание — это власть»), и с тех пор эта крылатая фраза фактически является эмблемой всех наших научных исследований.

Он первый дал определение науке: наука есть способ накопления и передачи знаний из поколения в поколение. Именно этим человек отличается от животного, которое эволюционирует медленно, путем естественного отбора. Как только возникло научное знание и научная техника передачи эстафеты знаний, развитие человечества пошло взрывным, экспоненциальным образом, и мы в своем развитии сейчас, конечно, очень сильно оторвались от всех остальных биологических объектов.

Между тем, факты, которые накопили в последнее время разные научные дисциплины, ставят под сомнение, казалось бы, незыблемые теории прошлого, такие, как дарвинизм, теория самозарождения жизни на Земле, общепринятое исчисление геологических эпох. В то же время гипотеза «большого взрыва» и разбегания галактик, последние данные палеонтологии и антропологии обнаруживают поразительно много общего с основными положениями Библии.

Углубленный научный поиск парадоксальным образом обнаруживает черты сходства с религиозными откровениями. В математике, термодинамике, как и в религии, существуют аксиомы, которые постулируют, и потом все выводится методом дедукции из этих аксиом, которые фиксируются, можно сказать, догматически.

Многие ученые признавались, что самые глубокие научные открытия были сделаны ими в момент интуитивного прозрения, причем решение приходило как-то сразу и целиком, даже во сне, так, как открыл периодическую систему Менделеев. Об этом много и откровенно писали такие выдающиеся ученые как Ньютон и Эйнштейн. Они говорили о присутствии в момент открытия очень сильного духовного возбуждения. Об этом очень хорошо писал в своих работах по психологии научного творчества и наш соотечественник академик Мигдал. Он говорил, что перед настоящим открытием должно произойти какое-то озарение, которое очень близко к религиозному экстазу; он говорил, что приближаясь к реальной истине, испытывал совершенно удивительное чувство.

Яркой особенностью современного нам этапа развития цивилизации является нарастающая тревога за будущее человечества. Эта тревога в полной мере разделяется и научным, и религиозным сообществами. Об этом очень точно говорил в своем вступительном слове Патриарх. Выбирая пути в грядущее тысячелетие, люди все больше ощущают меру ответственности за свой выбор. Человек, который именует себя *homo sapiens*, сделал окружающую природу лишь предметом познания и преобразования. Согласно определению того же Френсиса Бэкона, техника возникла как средство облегчения человеческого бытия. Однако в какой-то момент эгоистические стремления человека, его неумное стремление посредством технического развития максимальным образом удовлетворить свои всевозрастающие потребности, создали ситуацию, когда под угрозой оказалось само бытие человечества, что, конечно, находится в кричащем противоречии с базисными религиозными принципами.

Многие склонны обвинять в этом современную науку, которая в погоне за перспективой окончательного и всеобщего познания мира может привести человечество к деградации и даже гибели. Ведь в руках современного человека сейчас сосредоточены колоссальные ресурсы. Вопрос моральной ответственности ученых и инженеров с невиданной ранее остро-

той встал в связи с овладением атомной энергией, освоением космического пространства, глобальной информатизацией, поразительными успехами генной инженерии, биотехнологии, клонирования, а также в связи с возрастающим экологическим кризисом на нашей планете.

Многим, но не всем ученым сейчас ясно, что знаменитый императив Галилея «решишь постигать» нуждается сегодня в значительной корректировке, а именно: прежде чем использовать новые знания, нужно подумать о последствиях. Парадокс состоит в том, что наука все активнее начинает искать способы защиты от самой себя, от созданных ею самой изобретений и открытий. Сегодня мы все знаем, какие моральные муки испытывали творцы ядерного оружия: Эйнштейн, Бор, Оппенгеймер, Фукс.

Кроме познания окружающего мира есть другая, даже более важная задача соприкосновения науки и религии. Это нравственные законы, которыми должна управляться наука и которым, безусловно, должны следовать наши ученые. Это заповеди, которые сформулированы две тысячи лет назад в Нагорной проповеди. Практика тоталитарных режимов наглядно показала, к чему приводят попытки заменить эти заповеди на более прагматичные и примитивные принципы. Еще великий философ Иммануил Кант писал: «Две вещи поражают мое воображение: звездное небо над головой и моральный закон во мне».

Дальнейшие перспективы цивилизации — не только нашей Родины, но и других стран мира — все больше будут зависеть от разных факторов. Сохранение гармоничности и цельности природы сегодня необходимо считать основой выбора любых приоритетов и ценностей человека и ученого. Проблема ответственности за последствия новых знаний имеет сегодня два аспекта. Во-первых, она предполагает воспитание высокой этики у самих ученых, во-вторых, необходим контроль со стороны всего общества за научными исследованиями и производственными технологиями.

Еще один важный аспект нашего сотрудничества лежит в плоскости государственного патриотизма. Не секрет, что даже в прошлые времена мы умудрялись разбазаривать довольно много наших интеллектуальных достижений, которые затем вернулись к нам с Запада уже в виде готовых товаров. За последние семь лет утечка умов, изобретений и технологий за рубеж приняла поистине катастрофические масштабы. Объективной причиной этого стало обвальное сокращение финансирования науки, трудности перехода к рынку, общий экономический кризис и политическая нестабильность.

Сегодня вместе с Российской академией наук мы делаем все, чтобы выправить критическое положение в нашем научно-техническом комплексе. Принимаем меры по сохранению ведущих центров, научных школ, по государственной поддержке ученых, по увеличению притока молодежи в науку, добиваемся принятия новых законов, которые могли бы стимулировать вложение капитала в научно-техническую сферу, делаем многое другое. С середины прошлого года впервые за последние шесть лет в России реально возникла определенная экономическая стабилизация и тенденция к увеличению финансирования научно-технического комплекса. Никогда план финансирования научных исследований не был выполнен так полно, как в прошлом году. Начали расти конкурсы в технические вузы, стали происходить и некоторые другие обнадеживающие процессы, в частности, возвращение части ученых из-за рубежа. Это очень важно и дает нам определенный оптимизм.

Я хотел бы подчеркнуть и то, что только материальные стимулы никогда не были и не будут самодостаточными для национального успеха в каком-либо деле, в том числе в науке и технике. Необходима духовная мотивация, национальная гордость и государственный патриотизм. К сожалению, в последние годы наше общество во многом растеряло эти чувства. Сейчас мы отчетливо видим, что самой страшной утратой России

за последние годы были не только экономические и социальные потери. Мы вплотную приблизились к той черте, за которой следует потеря духовности, цели и смысла жизни. Здесь мы связываем надежду с нашей религией. Без восстановления и возрождения культуры, частью которой является наука, достичь сколько-нибудь значимых долговременных успехов в экономике мы не сможем.

Наша церковь на протяжении веков сохраняла нам нашу историю. Она сохранила понятие Отечества, идею и образ Родины. Думается, что церковь, всегда составлявшая надежную опору патриотизма в России, сегодня может и должна влиять на общество, формируя уважение к созидательной деятельности ученых и инженеров. Одна из функций этого Собора — складывание такого согласованного взгляда на необходимость науки и на ее перспективу в нашей стране.

Со своей стороны, для науки и ученых важно бережно, с уважением и пониманием относиться к деятельности церкви, сотрудничать с ней в нравственном воспитании граждан новой России, особенно подрастающего поколения. Здесь есть очень большие проблемы, вы их хорошо знаете.

У деятелей церкви и науки есть еще одно большое поле для совместных действий. В первую очередь это касается борьбы с мистикой, магией, колдовством, астрологией, паранаучными исследованиями, всем тем, что сегодня буквально захлестнуло наше общество. Люди стали верить в примитивное решение вопросов, которое им навязывают безответственные шарлатаны. Здесь церковь и наука едины. Ведь еще императрица Елизавета в указе об открытии первого университета определяла "борьбу с сектантством и искоренение оного в народе" как одну из важнейших задач созданного в России университета, первого научного учреждения страны.

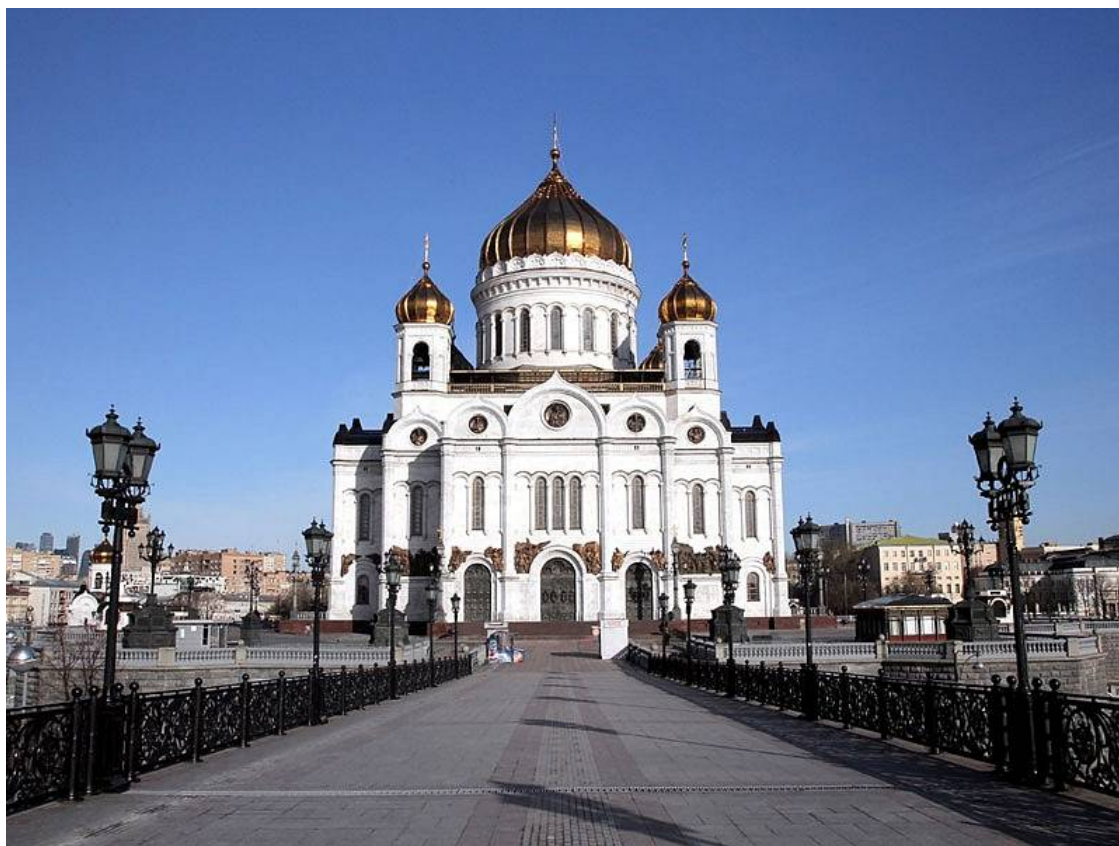
Мы знаем, что многие российские ученые сегодня являются верующими людьми, а среди церковного клира немало людей с научными степенями, людей высокой культуры. Западная статистика показывает (у меня нет данных по нашей стране), что около 40 % физиков, биологов, математиков, химиков имеют прочные религиозные убеждения. Насколько такое сочетание может быть продуктивно, можно убедиться на примере великого физиолога, лауреата Нобелевской премии И.П. Павлова или известного профессора, хирурга, лауреата многих премий архиепископа Луки Войно-Ясенецкого. Автор знаменитого многотомного курса высшей математики, по которому учились многие поколения людей, имеющих естественное образование, я в том числе, был церковным старостой. И сегодня поиск нужных пропорций между элементами научных и религиозных знаний все больше занимает ученых, особенно работающих на самом переднем крае исследований, там, где они ближе всего соприкасаются с неизведанным.

Неделю назад в Белом Доме была лекция профессора Стивена Хокинга, астрофизика, который говорил о том, что, занимаясь космологией «большого взрыва», он надеется приоткрыть суть Бога, увидеть то, что, так сказать, возникало в момент большого взрыва, когда t равнялось нулю. А астрофизик Джордж Смут (третий) из Беркли говорил, что в открытии реликтового излучения и особенно модуляции реликтового излучения, которую он открыл в самое последнее время, он видит как бы автограф Бога при сотворении Вселенной, как раз в тот момент, когда t равнялось нулю. В академии наук США ведутся обширные программы по установлению мостов между религией и наукой. Поэтому то, о чем мы сейчас говорим, есть процесс объективный, он идет во всех развитых в технологическом отношении странах.

С другой стороны, религия тоже делает шаги навстречу ученым, о чем свидетельствует наша сегодняшняя встреча или, например, высказывание понтифика о том, что эволюцион-

ный процесс не является гипотезой, а является чем-то большим. Процесс сближения идет с двух сторон, потому что и церковь, и наука понимают необходимость сотрудничества в будущем.

Актуальность темы сегодняшних слушаний объединила в нашем зале служителей церкви, ученых, представителей властных структур, деятелей науки в стремлении осмыслить социальные и духовные проблемы, стоящие перед нами в XXI веке. Мы все ясно видим, что если прежде наука у нас противопоставлялась религии, то сегодня мы понимаем: различие методов и подходов в достижении истины не должно быть причиной взаимного отторжения двух могучих сфер духовной жизни человека. Здесь много места для диалога и сотрудничества во имя нашей с вами Родины.

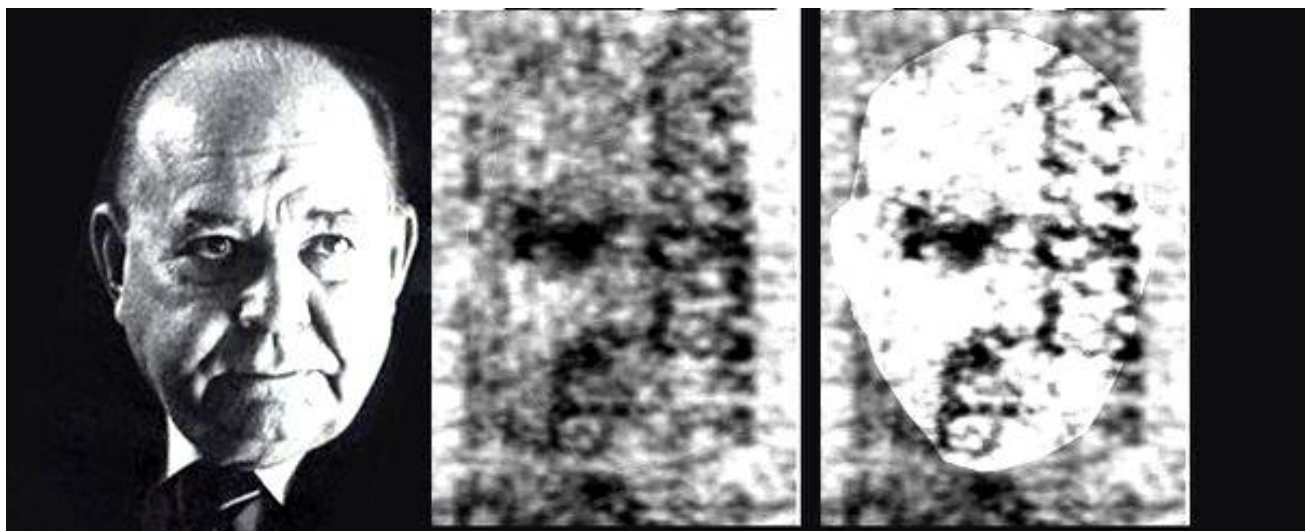

Храм Христа Спасителя

**Смотрите далее фото и выдержки из книги Артура Форда
«Человек не может умереть»**

Приложение 3.

Артур Форд в молодости (1929 г.), зрелости, старости и в Астральном мире.

Сделайте паузу и смотрите далее на следующей странице пожелание Артура Форда учёным всего мира

Ученым на заметку

Главная цель этой книги — раскрыть тот факт, что наши представления о структуре человеческой жизни и Вселенной глубоко ошибочны. А поскольку мы живем в век науки и на ученых смотрят как на истину в последней инстанции, эта книга адресована, в первую очередь, именно ученым.

Среднестатистического ученого сложно убедить в чем-то новом и необычном. Явления психического характера отвергаются учеными, потому, что чаще всего их нельзя повторить в лабораторных условиях. Всерьез воспринимают их только те ученые, которые сами на личном опыте столкнулись с очевидностью подобных явлений.

Доктор Джозеф Майер так выразил свое мнение на конференции Американской ассоциации содействия науке:

Довольно материализму и механицизму запугивать мир ученых. Пора уже прекратить академикам произносить слово «дух» только шепотом. Почему так происходит, что человек, чья вера базируется на «материи», имеет право высказывать свое мнение, а тот, чья вера покоится на «духе», должен стыдиться ее? Чем он хуже первого?

Давно уже можно было заметить, что явления, происходящие в человеческом разуме, часто оказываются созвучны тому, что описывает физика. Если для событий физического мира, для взаимодействия частиц нужна материальная субстанция, то нужна особая субстанция и для того, что происходит в человеческом разуме. Если в субатомном мире нарушается непрерывность, то мы это наблюдаем и у человека: поток сознания прерывается, когда человек засыпает. Сны же остаются только в памяти, а память — это другая загадка. Возможно, наука найдет ответы на эти вопросы, когда дорастет до этого. В любом случае свобода и созидательная природа человеческой личности должны стать полноправным объектом исследования. Материализм никогда не был полностью

научным. Профессор Перси В. Бриджман из Гарварда, Нобелевский лауреат, как-то сказал: «Мы стоим на пороге новой эры человеческой мысли».

На самом деле, эту точку зрения разделяют множество физиков, лауреатов Нобелевской премии. Профессор Артур Х. Комптон часто говорил о научных инсайтах, которые придали вере в бессмертие сильную научную позицию. Доктор Вольфганг Паули недавно проводил в Европе ряд экспериментов по исследованию процессов, принадлежащих этой тонкой грани между явлениями физическими и психическими. Доктор Ричард Фейнман из Калифорнийского института технологии говорил, что Вселенная — это иерархическая система, уровни которой охватывают как простейшие атомные структуры, так и тончайшие концепты человеческого разума, восходя через них к пониманию Бога. Даже математики стали поглядывать в сторону спиритуализма. После того как теорема Геделя в 1933 г. показала, что никакая математическая система не может быть доказана своими собственными средствами, материалистические установки математиков пошатнулись. Как выразился один ученый, «математика основана на вере».

«Наука выяснила, что ничего не исчезает бесследно, — пишет Вернер фон Браун. — Природа не знает смерти. Происходит лишь трансформация. Все, чему наука научила меня и чему продолжает учить, сводится к тому, что наша жизнь не заканчивается со смертью». Профессор, автор книги «Н. Эмори», предсказывает объединение разных отраслей науки ради целостного понимания Вселенной, в которой мы живем, и пишет, что это совершенно естественно и закономерно «в свете современной эволюционной теории».

У религии и науки один и тот же источник — удивление человека перед Космосом. Прежние жрецы, поклонявшиеся Матери-Земле и Отцу-Солнцу, лишь выражали в поэтических терминах то, что сейчас несколько иным языком говорят ученые. Сходно ведут себя святой и труженик науки, оба они чувствуют себя частью сотворившей мир Силы. Если станет очевидна эта связь, наука и религия многому сумеют друг друга научить и многие заблуждения будут рассеяны. Были времена, когда роль интеллектуалов сводилась к тому, чтобы на-

ходить и показывать отличия. Но сейчас не то время. Сейчас требуется вылечить раздробленный технологией мир, восстановить связь с его культурным прошлым.

В свете противостояния Соединенных Штатов и Советского Союза интересно отметить, что русская официальная наука проявила больше внимания к парапсихологии. В 1932 г. Институт исследования мозга начал программу по изучению телепатии. В 1963 г. книга Л. Л. Васильева «Экспериментальные исследования мысленного внушения» была переведена на английский язык. В дискуссии о телепатии Васильев сказал: «Должны ли мы принять феномен телепатии как безоговорочную истину? Очевидно только одно: на него нельзя более закрывать глаза, его нужно изучать».

До сих пор я говорил в основном о физиках. Но, возможно, большего внимания заслуживают психологи. В первых рядах стоит Фрейд, но замечу только, что есть большая разница между самим Фрейдом и ортодоксальными фрейдистами. Швейцарский психолог Карл Юнг всю свою жизнь проявлял немалый интерес к психическим феноменам, а некоторое время довольно тесно общался с Фрейдом, пока в 1911 г. профессиональные устремления не рассорили их. В письме Юнгу, написанном весной 1909 г., Фрейд критикует его «погоню за призрачными комплексами» и желает Юнгу поскорее образумиться и ступить обратно на твердую научную почву. Но впоследствии Фрейд пережил нечто, что изменило его взгляды. В июне 1911 г. он пишет Юнгу следующее: «...Опыты Ференци преподали мне незабываемый урок и переменили мое отношение к оккультным материям. Обещаю верить всему, что покажется хоть немного разумным. Вы знаете, мне нелегко признавать свои ошибки, но у меня поубавилось спеси. Я хотел бы, чтобы вы с Ф. действовали сообща, когда кто-то из вас решится на опасный шаг публикации. Это совершенно никак не ущемляет свободу каждого, но служит нашей общей работе.

С наилучшими пожеланиями...

Фрейд»